

СТИХИ

ОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ МОСКВА 1969

653779

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

кр

Виктор Коротаев — молодой вологодский поэт, уже издавший несколько стихотворных сборников. «Жребий» — первая книга, выходящая в Москве.

Поэзия В. Коротаева как бы освещена изнутри глубинной влюбленностью во все родное, чем только может гордиться русский человек, — будь то нерукотворные создания природы, бессмертные творения натруженных рук или величие духа нашего человека, не сломленного никакими бедами.

Коротаев ведет прямой и взволнованный разговор в своих стихах, пронизанных чувством высокой ответственности за судьбы наших людей, за все, что происходит в родных поэту краях.

Художник Александр Добрицын

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя,—
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек преподносит свой голос,
А лен зацветающий — дарит глаза.
Свой смех — колокольчик,
Роса — свои слезы,

Прическу — конечно, волнистая рожь,
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Здесь каждый спешит к тебе с собственным
даром:
Бери, запасайся на множество дней.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

Откуда сразу столько света
И хмельной благодати святой?
А это выходило лето
И стало брагой золотой.
От проясняющихся далее
Легко кружится голова,
И пеной в кружках
Опадает
С прощальным шелестом
Листва.
А за примолкшею опушкой
Уже под вербушкой одной
Ледком прихвачена речушка,
Как будто первой сединой.
Но, поражая, этот даже
Пророчески-печальный вид
Уму собою много скажет,
Но разве душу отрезвит?
Томится сердце новой силой,
И перед осенью опять,
Как перед женщиной красивой,
Вдруг хочется
Красивым стать.

Река работала, как лошадь,
В оглоблях тесных берегов.
Она несла такие ноши,
Что мыло падало с боков.
Косилась охровая осень
На вороную масть воды,
И, как несмазанные оси,
Скрипели грузные плоты.
Река пыхтела от натуги,
Но все же, гордая судьбой,
Мосты железные,
Как дуги,
Несла высоко над собой.
И плотогоны в кепках пегих,
Со лба стирая пот рукой,
Стояли,
Будто на телеге,
Расставив ноги широко.
Река несла свой жребий стойко
И продолжала трудный путь,
Мечтая в бухте,
Словно в стойле,
Хотя б часок
Передохнуть.

Как озимь, молодо и густо,
Всепобеждающей любви
Всепоглощающее чувство.
Но, может, так устроен быт.
Навек. И все другое лживо.
А если сердце и болит,
То просто потому, что —
Живо.

И только боль всегда, за всех
Дает возможность оправданья
И ожидаемых утех,
И самого существованья.

Леониду Беляеву

О, если б мы, добры и чутки,
Смогли увидеть на момент
В сосне
Не будущие чурки,
А музыкальный инструмент.
В благодарении за светлый,
Хотя и мимолетный взор,
Она настроила бы ветви
На очищающий минор.
И, золотясь на свежей мете,
От счастья таяла б смола,
Когда бы мягко взялся ветер
За гриф певучего ствола.

Но все не тем забиты души.
И потому который год,
В себе обиженно замкнувшись,
Сосна шумит,
А не поет.

ДЕРЕВЬЯ

Отношусь к суеверьям с большим недоверьем.
Но опять слышу я

сквозь густой листопад:
Будто души загубленных мною деревьев
Под окошком моим, негодуя, скорбят.

На дорогах,
где грязью за волоком волок,
Чтоб трехтонку продвинуть
на лишний увал,

Я по локоть
откручивал руки у елок

И березы
по самые плечи ломал.

В сотый раз уморясь на проселках осенних,
Я старался не думать про совесть мою,
И рябине вонзал я топор

под колени,
А потом сапогами

вминал в колею.

Как молилась осинушка в страхе великом!
Но тащил я ее без пустой суетни,
И она, глухо охая,

теплым затылком

Колотилась, обмякнув,
о кочки и пни.

Я чернел.

Но деревья поникшие — снова

Я валил,

хоть и знал, что под небом глухим

Всем, что в душах у нас и осталось

святого,

Мы обязаны в первую очередь

им.

ЖРЕБИЙ

Живу в этом мире. Живу.
О, как мне непросто живется.
Глядят сквозь меня в синеву
Разверзнутой пастью колодцы.
Растут сквозь меня не спеша
В суставах окрепшие травы,
С целительным соком смешав
Снедающий пламень отравы.
И каждая боль их, остра,
Пройдя по моим волокнам,
Как хряский удар топора,
Под пятым ребром отдается.
Я в почву, как дерево, врос.
И, словно подавшись из кочек,
Земная скрипучая ось
Прошла через мой позвоночник.
К Венере уйдут корабли
От русского смеха и грусти,
И только меня от Земли
Земля никуда не отпустит.

О, детское пристрастие к акварели!
Забуду ли тот творческий азарт,
Когда на мир
Безоблачно смотрели
Мои девятилетние глаза?
Как беззаботно и легко писалось!
Я с вдохновеньем справиться не мог.
И вот труба над крышей поднималась
И — проволокой завитой — дымок.
Светлела даль.
А погода немножко
За домом вырастал зубчатый лес,
И протекала речка под окошком,
И улыбалось солнышко с небес.
Я забывал про ужин и уроки,
Я рисовал песчаный бережок
И вместо жидкой грязи на дороге —
Зеленый
Незаслеженный лужок.
О, как я был заласкан и захвален!
Меня гулять возили по Москве,
И «умницей», склоняясь, называли,
И гладили при том
По голове.

НА СЕНОКОСЕ

Александру Романову

Повалили ребята девок —
и ну жать.
Те не знают, чего поделать:
давай визжать.
Бабы бросили грабли наземь
и галдят,
А потом принялись разом
за ребят:
«Нет ума у вас — ой вы, лешие, —
ни на грош.
Разошлись малолетки тешиться —
не уймешь».
Мужикам против баб — где же им:
перевес.
Проявили сперва сдержанный
интерес.
Да ребят подзудил дедушка,
хоть и сед:
«Мягче будут! Помять девушку —
не во вред!»

Раздетый лес шумит неподалеку,
Притихшую реку едва слышать.
По-бабьи подперев печально щеку,
Что, родина, задумалась опять?
Что смотришь на болезненную озимь,
На ветви обескровленных раки?
Да, это осень,
Понимаешь, осень,
Которая отрады не сулит.
От сырости простудной травы сникли,
И небосвод бессолнечен и гол,
А у тебя полблюдечка брусники
Да полный золотой листвы подол.
А может, даже лучше в самом деле
Жить на корму подножном в шалаше,
Чтоб мелочи умом не завладели
И не мешали думать о душе?
Но только, восходя звездой вечерней,
В притихшие края
Уже давно
Ни сладости,
Ни сна,
Ни облегченья
Раздумья не приносят все равно.

И, обреченно ждущая морозов,
Среди деревьев мрачных чуть дыша,
В далеких
Неприкаянных березах
Прощальным светом
Светится душа.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ГРОЗА

Уже обкладывало небо,
Уже по крышам ветер мел,
И раза два взбрыкнул нелепо
К столбу привязанный козел.
Сообразительные куры
При первых отблесках зарниц
Спасали собственные шкуры
С десятком будущих яиц.
И, позабыв про интервалы
И про шоферские права,
Неслись куда-то самосвалы,
Здрав потешно кузова.
Дождь, начиная забавляться,
Скрывался где-то на углу,
Порой подушечками пальцев
Постукивая по стеклу.
Он тюкал изредка по кронам,
По ребрам выгоревших шпал,
А я прислушивался к грому
И затаенно молний ждал.
Со мною вместе,
Хорошея,
Березы около шоссе,

Как гуси, вытянули шеи
Навстречу будущей грозе.
В пыли распластанные травы
Зашевелились, просияв,
И лопухи кричали: «Браво»,
Приподымаясь из канав.
Но время,
Будто стадо бычье,
В молчанье медленно текло,
И стало ясно всем,
Что нынче
Не лопнет
Ни одно стекло.
И — понапрасну с толку сбиты —
Несушки вылезли опять
И, оскорбленно-деловиты,
Пошли навозец разгребать.

Дожди не гремят по железу.
Но осень —

хоть с виду тиха —

Под крышу сентябрьскому лесу

Пустила гулять петуха.

И, глядя с отчаяньем в пруд,

На грани последней надежды

Пылают березы

И рвут

С себя

дорогие одежды.

Но в горькие ночи без сна

Все шепчут, ветвями колыша,

Что будет на свете весна

И будет

Зеленая крыша.

Следящего за мной то черным дном
Рассохшейся по старости кадушки,
То сумеречно —

кедровым дуплом,

То лунно —

влажным камнем у речушки.

Мне все как бы старается внушить
Ту мудрость, утвержденную веками:
Мол, ежели на свете жить, так жить.
Зачем — рекой,
Коль можно — облаками.

Нередко взмывая с размаху
На гребень идущего дня,
Я думаю с болью и страхом:
Надолго ли хватит меня?
Забыта средь грома и шума
Торжественность звездных ночей,
И некогда стало подумать,
И кто ты такой,
И зачем.
Из гари и пыли недаром
К березке,
К реке,
К шалашу,
Как будто дитя из пожара,
Я душу свою выношу.
И там в одиночестве с нею
Опять покаянно шепчу,
Что жить, как я жил,—
не хочу,
А жить, как хочу,—
не умею.
И, чувствуя светлую зависть
К сынам колокольных веков,

Душа моя — осенний лес,
Пронизанный лучами грусти,
Осенний лес,
Звучащий весь
Как ненастроенные гусли.
Ослабив тонкую струну,
Тоскуют зяблики о лете,
Да беззащитную сосну
Всю ночь раскачивает ветер.
И, стоя в луже босиком,
С привычкой справиться бессильна,
Здесь перед каждым ветерком
Пораболепствует осина.
От суеты,
От тесноты,
От нераденья и гуденья
Я уходил, топча листы,
В свои дремучие владенья,
Чтоб услышать колокола
Прощальных птиц на всю округу,
Где облака сползают к югу,
Как будто скатерть со стола.
Я по чащобинам блуждал,
Чумел,

О сучья обдирался,
Из лужи пил,
В болоте спал
И горькой ягодой питался.
Обратно ласковым и злым,
Готовым к нежности и драке,—
Я приходил из лесу всяким,
Не возвращался лишь —
Пустым.

Жизнь пройдет как гроза
В жестких росчерках молний
Над июльским безлюдьем села,
А на завтра...
Назавтра едва ли кто вспомнит,
Что гроза в самом деле была.
Только ты не грусти.
Зря дождинкам не литься,
С каждой каплей —
Свежей тополя,
Оживают цветы,
Тяжелеет пшеница
И свободнее дышит земля.
А под вечер косарь,
Крутоплечий и ладный,
Потный ворот спеша распахнуть,
Из кадушки
Полковника светлой прохлады
Опрокинет
На жаркую грудь.

Совсем недолго постояли,
Ликуя, красные деньки.
За пеленою скрылись дали,
И потянуло от реки.
Уже озера так не блещут,
И на рябине в пору гроз
Листы пугливые трепещут,
Как будто крылышки стрекоз.
Береза юбку пообносит,
Уронит выцветшую прядь.
Еще смелее станет осень
На пятки лету наступать.
А ветер скоро злобно свистнет,
Рябина съежится опять,
На обмороженные кисти
Напрасно примется дышать.
Мне защититься тоже нечем,
И никаких не примешь мер:
В крапиве скрывшийся кузнечик
Стрекочет, как секундомер.

ПРОЩАНИЕ С ИНСТИТУТОМ

Пришла пора вставать в иное русло
И набирать иную высоту,
И мне не страшно,
А скорее грустно
Под пятилетьем подводить черту.
И оставлять привычные заботы
И комнатку с окошками во двор,
В которой над последним анекдотом
Портрет один
Хохочет до сих пор.
Сюда придут веселые ребята,
Все в песнях, ожиданьях и мечтах.
Предшественникам нашим мы когда-то
Напомнили вот так же о годах.
Ребятам — разносить худые фильмы,
Читать ночами дерзкие стихи...
Их утром оторвет от сна — будильник,
А нам споют побудку —
Петухи.
Ну, что ж!
Таков предписанный порядок,
Замкнувший нас в единое кольцо.
Нам время правдой жить велит.

И надо
Ей откровенно посмотреть в лицо.
Весна прошла,
И мы вступаем в лето,
Но далеко-далёко до зимы.
...Вот так не спит сегодня до рассвета,
Кого придем сменить на завтра
Мы.

Алексее Лисину

Нету мне прежней свободы.
Как приговор признаю.
Вот и осенние воды
Хлынули в душу мою.
Нет, не грядущая старость,
Просто полгода подряд,
С неба от ветра срываясь,
Звезды под сердцем кипят.
Просто у самого края
Гнутся над речкой стволы,
Стоном глухим укрепляя
Чувство моей кабалы.
Стал я всецело зависим
От приумолкших пичуг,
От облетающих листьев
И завывающих вьюг.
И, прибавляя печали,
Мелко дрожа в полусне,
Худенький мальчик
Ночами
Плачет сиротски во мне.

КОСАЧ

Раскатист в апрельском морозе,
От крови взывавшей горяч,
На самой высокой березе
Заходится в страсти косач.

От нежности к голенькой кочке,
От веры горластой в судьбу
Почти распускаются почки
В набитом до звона зобу.

Звучит на заре поднебесье,
Но доля певцов тяжела:
На каждую новую песню
По три браконьерских ствола.

Косач горячится, не зная,
Что в тихое утро весны
У первого в жизни признанья
Минуты уже сочтены.

Не в силах сдержать вдохновенья,
Законам земным вопреки
Он верит:
На песнь откровенья
Никто не поднимет руки.

Неопытных лет пережитки...
Душа, восхищайся и плачь:
Твои повторяет ошибки
Башку потерявший косач.

Солнышко выгуливает мало,
В половину прежнего тепла.
Понимаю:
Лето миновало,
Соглашаюсь:
Осень подошла.
Стали птицы певчие неслышны,
Стали тучи хмурые низки.
Даже для редакторов излишни
Объяснения нынешней тоски.
Не могу смотреть, спокойно мысля,
На деревья
В тусклом свете дня,
Будто не они роняют листья,
А одежды ветер
Рвет с меня.
Не избыть тревоги и смятенья,
Что с природой северною в лад,
И в любви
Кончается цветенье,
Подступает ранний листопад.
Только ветви шепчутся над ухом,
Что — пускай ломает и сквозит,—

Все равно не надо падать духом:
Гибелью отчаянье грозит.
Как, уже предчувствуя морозы,
Отходя к безрадостному сну,
Жили бы осенние березы,
Если бы не верили
В весну?

ВОЛКИ

Около высохшей елки,
Возле пустынного пня
Топчутся старые волки,
Ждут-поджидают меня.
Ни изготовки к атаке,
Ни завыванья в тиши...
Спроста посмотришь —
Собаки
Самой безгрешной души.
Но не досужие толки —
В силе не главная статья.
Вот научились и волки
В добрые шкуры влезать.
Как убедительно встали,
Как отработали взгляд!
Чуть не виляют хвостами,
Чуть от любви не скулят.
Но на такую наживку
Мне попадаться грешно,
Я узнаю по заливку
Волчью породу
Давно.
Два стосковавшихся братца,
Зубы и когти — на ять.

Жутко вперед подвигаться,
Поздно назад отступать.
Сжать топорнице заране,
Левую руку — к ножу:
Я на такие свиданья
С пóлой полóй
Не хожу.

Налетели нечистые силы,
Листопад раскадили в лесах.
Золотые уборы России
Облетают у всех на глазах.

Рыщет ветер дорогой колесной,
Треплет ветер хвосты кобылиц,
И разносит по берегу гнезда,
И торопит в изгнание птиц.

Больше щебетом лес не зальется,
Только слышно сорок да ворон.
За болото отброшено солнце,
Словно выжатый летом лимон.

Слякоть мгlistая над головою,
Не рассмотришь, рассвет иль закат.
Только трубы остывшие воют.
Только ржавые петли скрипят.

Я хожу по дорогам окрестным,
Как бездомный и горький вещун.
Не ищу себе теплого места
И давно на судьбу не ропщу.

Много, странствуя, исколесил я,
Но отсюда мне стало видней:
Чем труднее дороги России,
Тем любовь обостреннее к ней.

НЕМОЙ

Июльским утром, спозаранку,—
Еще настроена с весны —
Опять запела барабанка
Высоким голосом сосны.
Да по лужку горошек ровный
Лишь раскатила —

и в момент,

Очнувшись, грянули коровы
Под этот аккомпанемент.
И я увидел:
В кепке сивой,
В брезентке, памятной до слез,
Немой по имени Василий
Свой инструмент
На пузе нес.
Спросонок,
Будто праздный зритель,
Я с любопытством рассмотрел,
Что постарел руководитель
И хор заметно поредел.
Воспоминаньем детства занят,
Я не заметил, как пришла
Ко мне совсем другая память
И боль былую привела.

...Сивухой теплою и щами,
Ломая в пляске каблуки,
Немого Васю угощали
На проводинах мужики.
Их непонятная, лихая
Ждала дорога за селом.
Мычал немой,
Не понимая,
О чем горюют за столом.
Лишь после празднества обычно
Осознавал —

и свет не мил,—

Какую горькую он нынче,
Развеселившись, чарку пил.
Он возвращался с полустанка,
Где зло гармонь меха рвала,
Поняв, что стала
Барабанка
Заглавной музыкой села.
И у гумна, присев на бревна,
Под ржанье выживших кобыл
Впервые, может, так любовно
Строгал и дырочки сверлил.
«Кормилица,— он думал,— будет
Служить (и долго, по всему)
Будильником —

усталым людям,

Подушкой верной —

самому».

А что никто ему доньше
Не приготавливал кровать —

Так он приучен спать в овине
И раньше ласточек вставать.
Зато, захвачен общей песнью,
Презрев природы произвол,
Сквозь дебри глухоты
Он с честью
Свою мелодию довел.
И нынче снова бают байки,
Что видел некий старожил:
Немой
Для новой барабанки
Доску сосновую сушил.
...И гордо мне за поздним чаем
Друзьям рассказывать своим,
Как славно
Штатным краснобаям
И всем трибунам записным,
Что о любви к лугам России
Трубят величественно в рог,—
Немой по имени Василий
Дал красноречия урок.

На родине моей
пустынно и светло.
Давно ль цветы
от зноя жмурились капризно,
А нынче им
по горло снегу намело.
Ну, что же,
узнаю характер твой, Отчизна.
Пройдет еще неделя,
может быть, и две.
Сорвавшихся ветров
спадет волна крутая,
И вспомнишь ты
о рано сгубленной листве,
И затоскуешь так,
что даже снег подтает.
Но к полдням золотым
отрезаны пути,
И поздно горевать
о ласточке последней.
Ты лучше добрый случай
вновь не упусти
И с зеленью грядущей
будь помилосердней.

Когда, от стужи обессилев,
До сорока упала ртуть,
Решил мороз на всю Россию
Кузнечной хваткою
Блеснуть.
И гребень лемехом багровым
Запыхал у петуха,
И запыхтели все коровы
В свои кузнечные меха.
И снегири
С березы дальней
Взвились, как искры из трубы,
И загудели наковальней
Высоковольтные столбы.
Седой мороз — кузнец бедовый,
Шутя,
Как будто между дел,
Какие звонкие подковы
Кобылам выковать сумел!
Ему и дышится просторно,
И дело спорится в руках.
А ответ утреннего горна
Горит на девичьих щеках.

Курицы пытаются летать,
Напрягают силы и рассудок.
Курам не дает спокойно спать
Слава лебедей и диких уток.

Сколько взвито пыли и песку,
А хотя б на шаг поближе к цели.
Слишком, видно, много на веку
Хлеба дармового
Переели.

Скоро блажь пройдет, как странный сон,
Перышки улягутся на место.
Ведь домашним птицам не резон
Рисковать обсиженным нашестом.

Куриц не тревожат облака,
Не томят неведомые дали.
Курицы поэтому пока
Выше огорода
Не взлетали.

Тяжелый хлеб едят поэты
Столетия целые подряд.
Пока грядущие рассветы
Им облеженья не сулят.

Ломя под тем же знойным небом,
Не берегут поэты сил.
Но смотришь:
Люди снова с хлебом,
А их посевы
Град побил.

Крутого хлебушко помола
Певцам назначила судьба.
Но пусть они едят тяжелый,—
Их портят
Легкие хлеба.

Не найду я защитного средства,
Чтоб, избавив от лишних тревог,
Словно поезд, мелькнувшее детство
Не вбивало мне в спину гудок.
Чтоб под звездами,

невозвратимо

Яркий свет пронося на весу,
Оседающим угольным дымом
По ночам не щипало в носу.
Не скрываю поэтому зависть
К воркотне голубиных годов,
Поджидая,
Люблю и пугаюсь
В детство мчащихся поездов.
Вновь по памяти солнечным рельсам
Унесут они в мир золотой,
Чтобы я, просияв, отогрелся
У костров восхищенности той.
По горушкам веселья полазал,
Овеваем цветочной пылью,
Набродился по ельникам сказок,
В речке ясности вымыл лицо,
Чтобы после,
Средь блеска и шума,

Средь довольства торжеств и похвал,
По наивности
Я не подумал,
Будто лучше
Вовек не живал.

СОВЕСТЬ

Когда, отбегав и отбеспокоясь,
Мы отплываем в звездный город сна,
Встает в ночной рубашке
Наша совесть
И брошенно садится у окна.
Среди ковров,
Среди зеркал безбрежных,
Где все — отдохновение очам,
Как девочке, обманутой в надеждах,
Ей перестало спаться по ночам.
Ей не дают понять свое же горе,
Сивухой заливая без конца,
Ее в чулане держат на запоре,
А в доме принимают
Подлеца.
И только ночью,
Притаясь у стенки,
С болезненностью, вышедшей из мод,
Беспомощно
На острые коленки
Она со вздохом голову кладет.
И плачет,
Худосочною косицей
Размазывая слезы по щекам.

...Нам кое-что
Со временем простится,
Но эти слезы
Отольются нам.

Я для сосен, видно, создан,
для осинников,

Для полянок,
где горланят косачи.

Почему ж я не шатаюсь по России,
По-пастушески штанины засучив?
Я бы ягод не давил, налитых грозами,
Не заслуживал березовых светлиц,
На рябинах угнездившиеся звезды
Не сшибал бы из рогатки,
Как синиц.

Лучше в сумерках бы я, орешки щелкая,
Речи тайные деревьев и светил,
Разумеется, в соавторстве с трещоткой
На язык стиха

шутя переводил.

Погрустив, что люди песен не заметили,
Я общипанному в драках петуху,
Ночевать расположившись на повети,
Всю бы душу рассказал,
Как на духу.

Но опять меня — на радость ли, на горе ли —
Наставляет тесть мой будущий, хрипя:

И уважение, и честь,
И дух достатка обитает...
Как будто все, что надо,— есть,
Все.

А чего-то не хватает.
И по колдобинам не лень
Трястись

и прыгать по кореньям,

Но хоть на месяц,
Хоть на день
Скорей —

из города в деревню.

Где ты неведом никому,
И потому
В полночной дреме
Не угадать,
В каком дому
Тебе постеляют на соломе.
Ты утром выглянешь в окно,
Услышишь дальний звон уздечки,
Увидишь сгнившее гумно
И чистый ельник возле речки,
Пройдешь осокою к пруду

Минуй меня худая слава!
Я людям души не мотал
И подневольных или слабых
В угоду сильным
Не топтал.
Живу, как жил.
Не то, чтоб свято,
Но, мечен общею судьбой,
Доспехи вечного солдата
Ношу,
Поскольку вечен бой.
Не лезу в драку без оглядки,
Но, не делясь и пополам,
Не симулирую припадки,
Чтоб ошиваться по тылам.
До тихой жизни далеко нам...
А слог присущ
 издревле свой
Непререкаемым законам
Для тех, кто годен
К строевой.
Верша особую работу,
Не удивляется солдат,

Когда его в штрафную роту
Из основной благословят.

Такие разве были беды...

Привык служивый за войну

И кровью

покупать победы,

И кровью

искупать вину.

Под ношей славы — тяжелой ношей —

Он понял, горд своей звездой,

Как много надо для хорошей,

Как мало надо для худой.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Ветер гуляет по душам,
Носит по свету галчат.
Сдержанней, реже и глуше
Прежние песни звучат.
Вечно найдется в застольи
Тот, кто останется нем:
Больно круты да раздольны,
Духу хватает не всем.
Или кому не по нраву
Их благородная злость,
Или народу и вправду
Слишком легко зажилось.
Принявший крестную муку,
Вызнавший суть наконец,
Самому близкому другу
Тайны не выдаст певец.
Ветер гуляет по душам,
Каждый-то нерв напряжен.
Так ли мы истине служим,
Все ли себя бережем?

Слова потеряли звучанье,
Над сердцем утрачена власть.
Ведь встреча с минуты молчанья
Впервые у нас началась.
Бывало, с закуской простою
Под соснами отчей земли
Сойдясь за походным застольем,
Секунду молчать не могли.
Палит невозможное солнце,
Слепят верстовые столбы.
А память храпит и несется
По гулким дорогам судьбы.
То песни, запетые круто,
То тихие слезы слышны...
Вся жизнь
Уместилась в минуту
Сквозящей, как нож, тишины.

Всю жизнь ходивший против ветра,
Ты для других торил пути.
Лишь два последних километра
Тебя товарищам —
Нести.
В слезах глаза у красных девиц,
Росинки капаят с ольхи,
И со старинных полотенец
Кричат напрасно петухи.

Не добудиться, не дозваться —
Не повернуть событий вспять,
А все друзья и домочадцы
Который день не могут спать.
Не осознать пока потери
И мучиться от одного:
Кому звонить, в кого мне верить
И опереться на кого?
Зловеще обнажились дали,
Лишилось крепости вино.
Ах, если б слезы помогали,
То ты бы встал уже давно.
Напрасны жалобы и стоны,
Не возвратить минувших дней.
Суметь бы только жить
Достойно
Прекрасной памяти твоей.

Ах, боцман, боцман, что за чудо!
Опять, ликуя и слепя,
Как будто белая посуда,
Сверкают зубы у тебя.
А грудь развернута такая,
Что и линкор, летя как смерч,
Десятый год пересекая,
Ее не может пересечь;
Своей планиде благодарен,
Мирской уют не ставя в грош,
Ты брови выжжешь в Гибралтаре,
За гриппом к Диксону уйдешь.
Тебя стихия обласкала,
Смотри, что сделала она:
И в волосах волна морская,
И речь, как море, солоня.
Не зря, из плаванья встречая,
Сама без памяти любя,
Вела скорее от причала
Жена законная тебя.
И мужу должность в стройконторе
Хватило подыскать ума,
Где чуть подальше стало б —
море.

Поближе чуть —

она сама.

Но, слыша с грустью после пьянки,
Как у дверей скулит Борей,
После двухмесячной стоянки
Ты выбрал цепи якорей.
И, не рискуя впасть в немилость,
Подруга — с ревностью опять
Любимым
С морем поделилась,
Чтобы совсем не потерять.
За горизонт смотря покатый,
Ты вспоминаешь у перил,
Как — теплый от одних объятий —
В другие сразу угодил.
А в дом вернешься отоспаться —
И будет так же без вина
Неделю плакать и смеяться
Твоя счастливая жена.

УЧЕНЬЯ

Полк на рассвете поднят по тревоге,
Казарма оглушительно гремит,
И автоматы
В заданные сроки
Разобраны из длинных пирамид.
Вытаскивают ящики наружу,
Мотая вещмешками на горбе,
Товарищи по грозному оружию
И братья по неласковой судьбе.
Они несутся с хлюпаньем по грязи,
В сухой гортани сдерживая хрип,
И ходят на щеках противогазы,
Как жабры задыхающихся рыб.
Весь гарнизон поставлен на колеса,
И, словно в деле с нами заодно,
Деревья маскируются под осень,
А небо — под шинельное сукно.
А вездеходы мелют на опушке
Тенистую лесную тишину.

И дети
Забывают про игрушки,
Когда играют взрослые
В войну.

За тяжкий груз шинели серой
И складки ранние у рта
Мне выдавалась полной мерой
Российских женщин доброта,
Что самолюбьем перегретым
Непослуживший не поймет,
Солдат оценит, как приметы
Почти родительских забот.
То бабка в ковш —

случайно будто —

Плеснет побольше молока,
То взять в автобусе кондуктор
Не пожелает пятака.
И в женщине

с ее повадкой

И пониманием ее
Узнаешь бывшую солдатку,
Что мает вдовое житье.
Иль в добром жесте бескорыстном
Увидишь любящую мать,
Что с треугольным штампом письма
Недавно стала получать.
По-бабьи пусть они одарят
Порой смешком со стороны:

Мол, что — солдат?
Обычный парень.
Вот только брюки не модны.
Но знают:
Если утром серым
Парней потребуют к ружью,—
Ему под пули надо —
Первым,
Хотя бы смерть ждала в бою.

Такое катилось над горкой
Огромное солнце в тот день,
Что я распахнул гимнастерку
И сбросил казенный ремень.

Такая река возле мыса
Несла настороженный гул,
Что снял я пилотку,
Склонился
И грозной воды зачерпнул.

Такая трава от дороги
Звала, зеленея, в лесок,
Что сами
Натертые ноги
Вдруг выскочили
Из сапог.
И я засмеялся беспечно,
В траву молодую нырнул,
Впервые за целую вечность
Легко и спокойно вздохнул.
Я жил.
В самом верном понятии.
И пел в окружении скал.

И, к счастью,
За этим заняьем
Меня старшина
Не застал.

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ

К другому милая пошла,
Не потому, что полюбила,
Но потому, что трудно было,
А там — изрядная мошна.
А обо мне какая речь,
Я должен был, вступая в зрелость,
России присягнуть на верность,
Дабы ее добро стеречь.
И милая пошла к тому,
Кто ей не свет и не вершина,
И так меня опустошила,
Как не случалось никому.
Чтоб пережить свою беду,
Поверить вновь святыням древним,
Я за потерянным доверьем
В деревни дальние уйду,
Где бабы русские живут
Весь век в надежде и печали,
Что две войны
Любимых ждали
И до сих пор
Чего-то ждут.

Вырвутся под праздник ненадолго,
Чинят их рубашки и футболки
И опять утюжат пиджаки.
Спят.
И снова ждут своих ребят.
Страшно не дожидаться им однажды.
Потому,
 любви и мира жаждая,
Матери
Рожают
Не солдат.

И в горле августа першило
От пыли, хоть и ранний час.
Чалмою
С темени вершины
Сползало облачко, лучась.

Прохлада быстро уплывала,
И воздух, просветлев уже,
При каждом взрыве аммонала
Дрожал, как крылышки стрижей.

Не закрывая глаз руками,
Смотрели долго мы, как тут
Вздыхают горы,
Стонут камни
И люди песенки поют.
Ребята в куртках из брезента
Смеялись, кутаясь в пыли:
«Вот чудаки!
На что глазеть-то?
Добро бы мамонта нашли.
А то работа как работа».
И все.
И кончен разговор.

А ручейки,
Как струйки пота,
Текли по жарким скулам
Гор.

Заходит солнце и в Узбекистане,
И тишина густеет над селом.
И только слива шевелит листьями,
Как окуни рубиновым пером.
Подсолнух,
Изнемогший до заката,
Повесил голову, и, как боксер,
Что рухнул на упругие канаты,
Он навалился грудью на забор.
А где-то в двадцати верстах отсюда,
Подняв горбы в безоблачную высь,
Темнеющие горы,
Как верблюды,
Уставшим караваном улеглись.
Их очертанья выражены смутно —
За сероватой дымкой каждый склон,
Поэтому их видишь даже утром
Как через запотевшее стекло.
Но скоро ночь,
Пора идти на отдых,
Чтоб, на постели вытянувшись в рост,
Следить,
Как в черном плесе небосвода
Всплывают поплавки зеленых звезд.

И вспоминать:
За далями лесными
И посреди заснеженных равнин —
Где только я не любовался ими,
Но почему-то каждый раз —
Один.

Страна чужая, незнакомая,
Где солнце белое палит,
Страна,
Куда давно влекло меня,
Желтеет в зное и пыли.
Кругом мальчишки черномазые
Айраном начиняют нас.
Меня разглядывает Азия
Сквозь узкие разрезы глаз.
У дедов важная медлительность,
Уже почтенные года
И крайне скудная растительность
С названьем громким —
Борода.
Я дома представлял заранее,
Как дедам руку протяну:
«Ну, что ж, встречайте северянина,
Ведите в вашу чайхану».
Но с ними я брожу по улочкам
И только слышу каждый миг
Их спотыкающийся чуточку
От торопливости язык.
Ни песен,
Ни черемух родины,

Ни бормотания ручья...
Страна совсем чужая вроде бы
И чем-то все-таки своя.
Не тем ли и мила,
Что вечером
В рабочих прибранных дворах
По-русски
Пахнет щами с перчиком
И крепким потом от рубах.

Признаваться все-таки придется,
Хоть поймут, наверное, не все:
Я под белым азиатским солнцем
Заскулил
По средней полосе.
Потекли видения наплывом:
Лес, дорога в лунках от копыт,
И березка
Над крутым обрывом,
Как приговоренная, стоит.
Я от всех щедрот
Сбежать до срока
Нынче окончательно решил,
Лишь в горах увидел ненароком
Изваянья гипсовых вершин.

БУКВА ЩА

Давно ль еще казалось мне под силу
Пройти любые дали и бои,
И утренняя почта приносила
Конверты аккуратные твои.
И сердце тихой нежностью горело,
Слова давно знакомые ища,
Где петелька
По-детски неумело
Привязана тобою
К букве Ща.
Я жду тех слов.
И я их слышу ночью,
Но ничего из далей снеговых
Мне нынче исполнительная почта
Не носит, кроме писем деловых.
А я надежду не могу разрушить,
Хоть знаю, что другому — трепеща —
Давным-давно отогревает душу
Старательная петелька у Ща.

Может, под небом тусклым и мглистым,
За которым не виден восход,
Потянуло на тихую пристань
После слишком укачливых вод.
А быть может, под кров домочадцев,
На порог забытой избы
Ты вернулась в глуши отлежаться
Перед новым зигзагом судьбы.
Я смотрю на тебя поневоле,
Понимая душой бобыля:
В тех краях,
Что нашла ты за полем,
Не ровнее, чем наша, земля.
Полежи и засни ненароком,
Я в ногах посижу, помолчу.
Ни острот, ни обид, ни упреков
Я не знаю
И знать не хочу.

Отбиваясь от грусти упорно,
Не пойму,
За какие грехи
Подступают непрошенно к горлу
О любви непришедшей стихи.
О любви, поднимающей сердце,
На которую в тысячный раз
Можно так хорошо насмотреться
За билет на вечерний сеанс.
Я б с тачанкой летел на рассвете,
Чтобы тоже
В свинцовой пальбе
Перед ликами жизни и смерти
Чей-то взор ощутить на себе.
Но минуют за сроками сроки,
А любви моей
С давнего дня
Все встречаются в долгой дороге,
Очевидно, достойней меня.
И боюсь я, как высшего мщенья,
Что придет она — вот она, тут,—
Как бумага о царском прощенье,
Опоздавшая на пять минут.

Чтоб дышалось мне светлей и проще,
Чтоб любилось на веку моем,
Ей хотелось быть
Зеленой рощей.
Быть.
И непременно с соловьем.
И, касаясь девичьего тела,
Слышал я нередко поутру,
Как оно, позванивая, пело,
Жглось
И ликовало на ветру.
Но неумолимо дни несутся.
И кого отметить за труды,
Что без песен даже остаются
Самые прекрасные сады.
Я теперь живу трезвей и жестче.
С милой мы по-прежнему друзья.
А она и впрямь все та же роща,
Та же роща.
Но — без соловья.

Ни прежней ревности, ни жажды.
Любовь ушла за облака,
Как аромат,
Вздохнув,
Однажды
Навек уходит от цветка.
Не жаль, что стала жизнь короче,
А жаль, что, буднично рябя,
Таковыми ж стали дни и ночи,
Какими были до тебя.
И неизбежно пониманье,
Что, горько тая, словно дым,
Становится воспоминаньем,
Как я любил
И был любим.
Так пусть тебе
В твоём крушенье,
В глухой беде,
В лихой судьбе
Послужит слабым утешеньем,
Что мне не легче,
Чем тебе.

НЕДОВЕРИЕ

Давно ли ты уехала.
Ведь не простыл порог,
А нам уже помехою
Распутица дорог.
А нам уже причиною
Всего полсотни верст.
С попутною машиною
Задумал бы — дополз.
Но я к тебе умышленно
Не еду, не спешу.
И писем я возвышенных,
Как раньше, не пишу.
И вру, что кашель мучает,
Что дел невпроворот,
И жду погоду лучшую,
Да вот она нейдет.
А дело-то, конечно ведь,
Не в том. Глупец поймет.
Где не пробраться лешему,
Любовь тропу найдет.
Но с помощью союзников
Расчет продумав свой,
К любви ты,

Словно к узнику,
Приставила конвой.
Куда ни тронься — хуже нет,—
Ногой ступить нельзя:
Везде твоих подруженек
Глаза, глаза, глаза.
А я хожу над бережком,
Плюю на всю муру.
Пока смеюсь.
Но тем смешком,
Который не к добру.
Неужто зря мы тратили
В беседах огошок?
Невольник надзирателю
Сомнительный дружок.
...За лесом дали дымчаты,
И писем нет давно.
С какой тоскою нынче ты
Глядишь в свое окно.
Пуста тропа пристылая,
Напрасно ждать письма.
Давай-ка лучше, милая,
Кати сюда сама.
Не жди перерешения,
Впустую не ряди,
А срочно в отношениях
Порядок наводи!

Я отощал и вымотался крепко,
Мозолей накопил на пятерне
И добела

на солнце выжег кепку,
А сам, как черт, за месяц почернел.
Я шел землей

под теплыми дождями,
Ташился степью горькой и сухой,
Где лишь столбы меня сопровождали,
Как циркули с отставленной ногой.
И не однажды

с вдумчивым шофером,
Что сызмала к сидению прирос,
Как будто в сказке,
Горы и озера
Мы с форсом пропускали меж колес.
Я в кузове то всматривался вдаль. То
Плясал.

А день, расцвеченный пестро,
Дышал в лицо расплавленным асфальтом
По-августовски душно и остро.
Я слышал: камешки за нами мчатся,
А ощущались
в скорости шальной

Лишь козырек, вибрирующий часто,
Да парусом —

рубаха за спиной.

Но вот и дом.

Свежа водица в кране

И вовремя горячая еда.

Пей лимонад,

Валяйся на диване —

Никто тебя не гонит никуда.

Но утро так зовуще пахнет морем,

Гадают сапоги: куда брести,

Набит рюкзак,

Поет будильник зорю,

И я готов

Для нового пути.

СОДЕРЖАНИЕ

«Прекрасно однажды в России родиться...» . . .	5
«Откуда сразу столько света...»	7
«Река работала, как лошадь...»	8
«Зови меня к себе, зови...»	9
«О, если б мы, добры и чутки...»	11
Деревья	12
Жребий	14
«О, детское пристрастье к акварели!..»	15
На сенокосе	17
«Раздетый лес шумит неподалеку...»	19
Несостоявшаяся гроза	21
«Дожди не гремят по железу...»	23
«Над Русью проплывают облака...»	24
«Нередко взмывая с размаху...»	26
«Душа моя — осенний лес...»	28
«Жизнь пройдет как гроза...»	30
«Совсем недолго постояли...»	31
Прощание с институтом	32
«Нету мне прежней свободы...»	34
Косач : : : : : :	36
«Солнышко выгуливает мало...»	38
Волки	40
«Налетели нечистые силы...»	42
Немой	44

«На родине моей пустынно и светло...»	47
«Когда, от стужи обессилев...»	49
«Сколько вечных костров для потомков...»	50
«Курицы пытаются летать...»	51
«Тяжелый хлеб едят поэты...»	52
«Не найду я защитного средства...»	53
Совесьть	55
«Я для сосен, видно, создан...»	57
«И уважение, и честь...»	59
«Минуй меня худая слава!..»	61
Памяти Александра Яшина	63
«Ах, боцман, боцман, что за чудо!..»	66
Ученья	68
«За тяжкий груз шинели серой...»	69
«Такое катилось над горкой...»	71
С возвращением	73
«Матери рожают не солдат...»	74
«И в горле августа першило...»	76
«Заходит солнце и в Узбекистане...»	78
«Страна чужая, незнакомая...»	80
«Признаваться все-таки придется...»	82
Буква Ща	83
«Появилась без шума и вести...»	84
«Отбиваясь от грусти упорно...»	86
«Чтоб дышалось мне светлей и проще...»	87
«Ни прежней ревности, ни жажды...»	88
Недоверие	89
«Я отощал и вымотался крепко...»	91

Коротаев

Виктор Вениаминович

ЖРЕБИИ

М., «Советский писатель», 1969, 96 стр.

Тем. план выпуска 1969 г. № 158

Редактор Е. С. Елисеев.

Худож. редактор В. В. Медведев.

Техн. редактор Н. Д. Бессонова.

Корректор И. Ф. Сологуб.

Сдано в набор 1/IV 1969 г.

Подписано к печати 11/VII 1969 г. А 09111.

Бумага 70×108^{1/32} № 1. Печ. л. 3 (4,20).

Уч.-изд. л. 2,52. Тираж 10 000 экз.

Заказ № 148. Цена 29 коп.

Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, В. Гнезниковский пер., 10

Тульская типография Главполиграфпрома

Комитета по печати

при Совете Министров СССР.

г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

